

* * *

В средоточье города и мира
На туберкулёзном сквозняке
Что тебя спасло и сохранило,
Как ребёнок – пёрышко в руке,

Иногда, стремительно и кратко,
Словно лёгкий солнечный ожог,
Взглядывая на тебя украдкой
И опять сжимая кулачок?

В темноте невыносимо тесной,
Крылышками смятыми дрожа,
Замирала в муке бесполезной
Крохотная слабая душа:

Разве голос? – Где ему на клирос!
Разве сердце? – Купят, не соврут!
Но темница тёплая раскрылась
И открылось тайное вокруг:

Что ж, взлетай легко и неумело,
Где бесщётно в землю полегли...
Родина – таинственная мера
Боли и любви.

* * *

В грязных берцах, широких чёрных штанах,
Куртках с жёлтыми буквами на спине,
Пересыпая словечки от бэ до нах,
Они идут по своей войне:
Бинтуют раны, курят в кулак, стреляют из-за угла –
Такие дела.

Вокруг супермаркет, ткани, туфли и сумочки от кутюр,
Или, скажем, пешеходная улица, выходной,
Полно детей, старушек и всяких беспечных дур
На каблуках и в шляпках... И тут они со своей войной.
И в тёплый воздух врывается ледяной.

Как наложение в фотошопе, или технический сбой портала,
Или музыка, упавшая на три октавы
В прах и скрежет, в тиски смотровых щелей,
В алый кирпич и доски свежих развалин.

Мы слишком привыкли к миру. Жалей или не жалей –
Он нереален.

Так занавеску срывает взрывной волной –
И на грязные берцы, тлея, падают клочья.
Вот реальность. Она никогда не была иной,
И кто-то сейчас видит её воочью.

Мы не наивны. Мы честно предпочитаем ложь.
И нам пока ничего не мешает, ну разве кроме
Этих, в чёрном, идущих сквозь праздник жизни как нож
Сквозь тёплый хлеб, оставляя крошки и капли крови.

* * *

Покуда ехали, стемнело.
И свет, испуганный впотьмах,
Метался, рвался то и дело
И опрокидывался в страх.

Но обочь, с каждого пригорка,
Куда усталый взор ни кинь,
Звенела нестерпимо горько
Сухая серая полынь.

Сама уже почти у края
Апрельского небытия,
Она как будто бы украла
Дыханье жизни для тебя.

Родной земле почти чужая,
Забывтый пестуя мотив,
Она немела, провожая,
И умирала, проводив.

* * *

Нельзя ни на миг оставить одну
Эту полночь, эту страну,

Наилегчайший из всех даров –
Эту бессонницу на Покров.

Нельзя ни на миг! Но, закрыв глаза,
Я забываю про все «нельзя»,
Я затеваю почти побег
Пламенем вдоль невесомых век.

Я прохожу по сырой траве
С белым лебедем в рукаве,
С тихим озером на душе –
И открываю глаза... Уже?

Да. Ни на миг. Разверни теперь
Белый свиток своих потерь.
Белым по белому – о былом:
Лебедь, бьющий о лёд крылом.

То-то зима в России долга!
Из году в год на Покров снега,
Да и какие мы сторожа –
Укараулишь тебя, душа?..

* * *

Четыреста лет монастырь стоял
И семьдесят лет – пустырь.
Камень стёрся до дыр и свет золотой остыл.
Храм восстановили, закрыли дверь на замок,
И с этого дня идущий мимо порою услышать мог:

Поют, Господи! Словно издалека,
Пыльцой прозрачной осыпаясь на облака,
Слёзной радугой озаряя глаза –
Высокие женские голоса.

Из-за узких окон и толстых стен
Слов и не разобрать совсем –

Только сам полёт молитвенных голосов,
Понятный без слов.

Подходили к порогу, тяжёлый ключ вставляли в замок,
Слушали: звучит ли хор неведомый, или смолк?
Тихо под сводами. На домотканых половиках
Серебрится прах.

Выходили. Лязгала дверь. Не поют – молчат.
В селе палили костры, лежал душливый чад,
Внизу в овраге молча журчал родник...
И не у кого было спросить о них.

Как принять на веру вечный небесный труд?
Дадут ли тебе на поруки поруганный этот сад?
Мимо проходишь: Господи, как же светло поют!
Дверь отворяешь – пусто. Нет никого. Молчат.

Но прорезается в сердце лёгкий высокий звук
И прорастает к небу через живую ткань:
Сколько же здесь работать, не покладая рук,
Не раскрывая тайн...

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного пёрышка легче.
Кто-то несёт по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И заматают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелёны

Тьмою немислимоу усыновлённый
Свет одинокий, покинутый свет...

* * *

Сквозная память, тайная беда,
Извечное кочевье в никуда...

Бессонницы зелёная звезда
Бессмысленно горит в пустых осинах,
И низко-низко виснут провода
Под тяжестью вестей невыразимых:

И острый скрип несмазанных колёс,
И полуптичьи окрики возникших,
И сладковатый вкус кровавых слёз,
Из ниоткуда памяти возникших,

И слабый крик младенца, и плащи,
Трепещущие рваными краями,
Безмолвно раздувающие пламя
Ноши...

Ты знаешь всё. Раскрыты небеса,
Как том стихов, и смятые страницы
Сияют так, что прочитать нельзя,
И силятся вздохнуть и распрямиться.